

112777

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

C. ell.

1910. IV

4

СОДЕРЖАНІЕ № 4

	СТР.
1. ВЪ УЛИЦѢ ROSIER. Разсказъ. Д. Айзмана	8
2. „НА-СЛОМЪ“. Разсказъ. М. Первухина	51
3. * * * Стихотвореніе. В. Волькенштейна.	87
4. СЕНТЯБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ. Сигурда (А. Хеденшерна). (Перев. со шведскаго М. П. Благовѣщенской).	88
5. ВЪ СТЕПИ. Стихотвореніе. Гликберга	116
6. ДЖИНЕВРА ДЕЛЪИ АМЪЕРИ. Разсказъ Г. Мана (Перев. съ нѣмецкаго В. Гофмана)	117
7. ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ. (Продолженіе). Р. Виппера.	126
8. СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ. (Окончаніе). Ортодоксъ.	157

Во избѣжаніе перерыва

въ высылкѣ журнала

контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, **внесшихъ 3 руб.** (за первую треть года), озаботиться своевременной уплатой **слѣдующаго взноса.**

При доплатѣ до 25 апрѣля, пріостановки въ высылкѣ не послѣдуетъ.

✉ Просимъ присылать адресъ-бандероль. ✉

Домъ Мухоморова

№ 242

	СТР.
9. ЛИРИКА СОВРЕМЕННОЙ ДУШИ. В. Львова-Рогачевского	1
10. ФОРМЫ АМЕРИКАНСКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ. Ч. Райса	25
11. А. СТРИНДБЕРГЪ. А. Левинсона	47
12. КЪ СТАТИСТИКЪ РЕПРЕССІЙ ВЪ РОССІИ. А. Вентина	54
13. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Изъ быта ссыльныхъ. I. Лар- скаго	75
14. РОДНЫЯ КАРТИНКИ. А. Яблоновскаго	93
15. ЕЩЕ О ЧЕРНЫШЕВСКОМЪ. Г. Плеханова	101
16. КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ	120
17. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. Максимилианъ Волошинъ. Стихотво- ренія. — С. Мстиславлевъ. Не для толпы. — В. Свѣтлицкій. „Смерть“. Драма въ 3-хъ д.—Собраніе сочиненій <i>Бернара Шоу</i> . — <i>Пьеръ Лоти</i> . Со- браніе сочиненій. — Книжное т-во „Дешева книга“. — <i>Элиора Глинъ</i> . „Три недѣли“. — <i>Сергій Маковскій</i> . Страницы художественной критики.— <i>П. Коганъ</i> . Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. — <i>М. Гершензонъ</i> . Историческія записки. — <i>М. Колчинъ</i> . Ссылные и заточ- енные въ острогъ Соловецкаго монастыря.— <i>Сем. Масловъ</i> . Новый законъ о крестьянскомъ землевладѣніи.—Философія въ систематическомъ изло- женіи <i>В. Дильтея</i> , <i>А. Рилля</i> , <i>В. Оствальда</i> , <i>В. Вундта</i> , <i>Г. Эббингауза</i> , <i>Р. Эйхена</i> , <i>Ф. Паульсена</i> , <i>В. Мюнга</i> , <i>Т. Липса</i>	99
ОБЪЯВЛЕНІЯ	129

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

*По желанію автора, печатаніе повѣсти И. А. Бунина „Деревня“
переносится на осень.*

Продолженіе повѣсти С. Н. Сергѣева-Ценскаго появится въ майской книжкѣ.

умѣлыми и слабыми. Но совершенно такое же отношеніе проявили гг. дворяне и во всѣхъ другихъ инородческихъ вопросахъ.

— Мы, — говорятъ гг. администраторы: — приведемъ Финляндію къ одному знаменателю.

— А мы, — прерываютъ гг. дворяне: — попросили бы, кромѣ того, не забыть Выборгскую губернію. — Какъ она будетъ отторгнута, это — „деталь, не интересующая дворянъ“, но она должна быть отторгнута безусловно и немедленно.

— Мы, — говорятъ гг. администраторы: — принимаемъ мѣры противъ инородцевъ западныхъ губерній.

— А мы, — опять прерываютъ гг. дворяне: — находимъ, что не сдѣлано главное и предлагаемъ, чтобы всѣ дворяне 9-ти западныхъ губерній, кромѣ поляковъ, были признаны „русскими“ по крови. Кромѣ того, мы предлагаемъ, чтобы гг. поляки подумали, наконецъ, серьезно о переходѣ въ православную вѣру!

Вся остальная программа объединеннаго дворянства, которая обсуждалась на съѣздѣ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ образцовъ, которые я только что привелъ для иллюстраціи; основная тенденція ея написана чернымъ по бѣлому: доказать, что „ученики Энгельса“ распустили народъ, распустили Думу, распустили инородцевъ и вообще выпустили изъ рукъ вожжи. Выводъ же отсюда одинъ: надо слушаться дворянъ и подтянуть вожжи. Надо, чтобы теорія государства, изложенная Меньшиковымъ, облеклась плотью и кровью, и чтобы Европа воочію увидала, что государство, это — клѣтка, народъ, это — звѣрь въ клѣткѣ, а гг. дворяне — укротители звѣря.

Александръ Яблоновскій.

Еще о Чернышевскомъ.

(Ю. М. Стекловъ—Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность [1828—1889 гг.]. С.-Петербургъ, 1909).

I.

„И такъ, отдавая справедливость великому мужу... мы не ищемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ; или только распложая неистовое слово вождаемся изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія“.

А. Н. Радищевъ въ „Словѣ о Ломосовѣ“.

Книга Ю. М. Стеклова производитъ чрезвычайно выгодное для ея автора впечатлѣніе тѣмъ благороднымъ энтузіазмомъ, съ которымъ онъ относится къ Н. Г. Чернышевскому. Къ сожалѣнію, есть въ ней одинъ весьма серьезный недостатокъ, на которой я и хочу обратить вниманіе читателя въ этой статьѣ.

Недостатокъ этотъ состоитъ въ неправильномъ освѣщеніи нѣкоторыхъ основныхъ взглядовъ нашего великаго просвѣтителя. Дѣло въ томъ, что Ю. М. Стекловъ ни за что не хочетъ отнести Чернышевскаго къ числу социалистовъ-утопистовъ и старается опровергнуть „нѣкоторыхъ“, причислявшихъ его къ нимъ. Поэтому книга его представляетъ собою въ очень значительной своей части полемическое сочиненіе. И полемика эта,—тоже въ очень значительной своей части,—направляется именно противъ меня, еще въ началѣ девятидесятыхъ годовъ выступившаго съ четырьмя статьями, въ которыхъ указывалось, что точка зрѣнія Чернышевскаго была точкой зрѣнія утопическаго социализма. Правда, возражая мнѣ, Ю. М. Стекловъ меня не называетъ. Я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ понадобилась ему такая недосказанность, но это и неинтересно. Вопросъ въ томъ, удалось ли нашему автору удовлетворительно обосновать свой взглядъ на Чернышевскаго. Къ разсмотрѣнію этого вопроса я и перехожу, сдѣлавъ, однако, предварительно слѣдующее частное замѣчаніе.

На стр. 252 своей книги Ю. М. Стекловъ говоритъ, что надъ „гипотетическимъ“ методомъ „вслѣдствіи не мало издѣвались“. Это, очевидно, не относится ко мнѣ, такъ какъ, во-первыхъ, самъ Ю. М. Стекловъ очень хорошо знаетъ, что я никогда не издѣвался надъ Чернышевскимъ, а во-вторыхъ, въ своемъ взглядѣ на гипотетическій методъ нашъ авторъ, повидимому, вполне сошелся со мною. Такъ, на стр. 248 онъ говоритъ: „Для научнаго анализа дѣйствительныхъ отношеній этотъ методъ ариметическихъ выкладокъ можетъ пригодиться лишь въ качествѣ иллюстрацій къ положеніямъ, полученнымъ путемъ точнаго изслѣдованія реальныхъ экономическихъ явленій. И во многихъ случаяхъ противъ него ничего нельзя было бы сказать, если бы вопросы при этомъ слишкомъ не упрощались и если бы авторъ смотрѣлъ на него только какъ на вспомогательный приемъ, имѣющій цѣлью помочь читателю слѣдить за ходомъ мысли, но не претендующій на самостоятельное значеніе“. Это какъ-разъ то, что я писалъ о „гипотетическомъ“ методѣ около двадцати лѣтъ тому назадъ. И этотъ взглядъ на него,—кто бы его ни высказалъ и кто бы его ни повторилъ,—разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ издѣвательствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что, говоря объ издѣвательствѣ, нашъ авторъ имѣлъ въ виду не меня, а кого-то другого.

Теперь возвращаюсь къ самому главному недостатку книги Ю. М. Стеклова.

Важнѣйшая отличительная черта утопическаго социализма въ его сравненіи съ социализмомъ научнымъ можетъ быть характеризована такъ: представители утопическаго социализма въ своемъ объясненіи *исторіи* оставались *идеалистами* даже тогда, когда имъ удавалось доработаться до *материалистическаго* взгляда на *природу*. И если мы хотимъ найти толковый отвѣтъ на вопросъ, принадлежалъ ли Чернышевскій къ числу социалистовъ-утопистовъ, мы должны прежде всего выяснить себѣ, каково было его пониманіе исторіи. Я утверждалъ двадцать лѣтъ тому назадъ и утверждаю теперь, что это его пониманіе было,—*говоря вообще*,—проникнуто идеализмомъ, но что *въ частностяхъ* Чернышевскій нерѣдко доходилъ до чрезвычайно удачныхъ объясненій историческихъ событій. И я прибавлялъ и прибавляю теперь, что иначе и быть не могло, такъ какъ Чернышевскій былъ послѣдователемъ Фейербаха, который, дойдя до материалистическаго взгляда на *природу*, далеко не дошелъ, однако, до *историческаго* материализма. Ю. М. Стекловъ съ этимъ не согласенъ. Онъ пишетъ, что Чернышевскій, „основнымъ поло-

женіямъ Фейербаха пытался дать такое же толкованіе и примѣненіе, какъ Марксъ“ (стр. 125). И эту свою мысль нашъ авторъ поясняетъ такъ: „Тезисы Маркса о Фейербахѣ относятся къ 1845 году; материалистическая философія исторіи выражена отчасти въ „Нищетѣ философіи“ 1847 г. и вполне въ „Коммунистическомъ Манifestѣ“ 1848 г. Наконецъ, она ясно и опредѣленно сформирована въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ 1859 г. Чернышевскій, который былъ моложе Маркса на 10 лѣтъ, выступилъ на литературное поприще только въ 1853 г., т.-е. тоже десятью годами позже Маркса. Первая крупная его работа появилась только въ 1855 г. („Эстетич. отношенія“). И вотъ въ рецензій на свою книгу Чернышевскій уже высказываетъ мысли, довольно близкія къ тезисамъ Маркса о Фейербахѣ, а затѣмъ, въ рядѣ статей и замѣтокъ по всевозможнымъ злободневнымъ вопросамъ (1856, 1857 и сл.), онъ развиваетъ взгляды, все болѣе приближающіе его къ опредѣленной формулировкѣ материалистической философіи исторіи (стр. 125—126).

Остановимся сначала на рецензій, въ которой Чернышевскій разбираетъ свою собственную книгу. Что находимъ мы въ ней? Ю. М. Стекловъ отвѣчаетъ: „Въ рецензій на „Эстетическія отношенія“ Чернышевскій спрашиваетъ: „Гдѣ искать критерія для различенія мнимыхъ и ложныхъ стремленій отъ дѣйствительныхъ и законныхъ?“—и отвѣчаетъ: „Приговоръ даетъ самъ человѣкъ своею жизнью; практика, этотъ непреложный пробный камень всякой теоріи, должна быть руководящимъ началомъ и здѣсь“. Дѣло есть истина мысли. „Практика—великая разоблачительница обмановъ и самообольщеній не только въ практическихъ дѣлахъ, но также въ дѣлахъ чувства и мысли. Потому-то въ наукѣ нынѣ принята она существеннымъ критеріумомъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ. Что подлежитъ спору въ теоріи, на чистоту рѣшается практикою дѣйствительной жизни“. Итакъ, Чернышевскій, какъ и Марксъ въ своемъ второмъ тезисѣ, признаетъ за практикою рѣшающую роль въ дѣлѣ проверки „объективной истинности нашего мышленія“ (стр. 127).

Второй тезисъ Маркса о Фейербахѣ гласитъ: „Вопросъ о томъ, способно ли человеческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности,—вовсе не теоретическій, а практический вопросъ. Практикой долженъ доказать человѣкъ истину своего мышленія, т.-е. доказать, что онъ имѣетъ дѣйствительную силу и не останавливается по сую сторону явленій. Споръ же о дѣйствительности или недѣйствительности мышленія, изолирующагося отъ практики, есть чисто-схоластическій вопросъ“.

Если мы сопоставимъ этотъ тезисъ съ той выпиской изъ Чернышевскаго, которую дѣлаетъ Ю. М. Стекловъ, то мы въ самомъ дѣлѣ поразимся сходствомъ взгляда Маркса со взглядомъ нашего великаго просвѣтителя. Но это несомнѣнное сходство не должно вводить насъ въ заблужденіе. Оно объясняется не тѣмъ, что Чернышевскій, будто бы, пошелъ *дальше Фейербаха* въ томъ же самомъ направленіи, по какому шли Марксъ и Энгельсъ, а *только тѣмъ*, что онъ, подобно Марксу и Энгельсу, хорошо усвоилъ себѣ основныя положенія материалистической философіи Фейербаха. Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что практика должна быть „непреложнымъ пробнымъ камнемъ всякой теоріи“—еще не значить отбрасывать слабую сторону фейербахова материализма. Самъ Фейербахъ, который, по справедливому замѣчанію Маркса, ограничивался разсматриваніемъ дѣйствительности „въ формѣ созерцаній“ и не дошелъ до ея разсматрива-

нiя „въ формѣ практики“, не только не отказался бы признать эту мысль Чернышевскаго правильной, но объявилъ бы ее одной изъ своихъ собственныхъ мыслей, и у него было бы для этого совершенно достаточное основанiе. Фейербахъ утверждалъ, что „чувственность или дѣйствительность тождественна съ истиной. „Онъ доказывалъ, что если бы наши представленiя о предметахъ основывались на нашемъ чувственномъ опытѣ, то они вполнѣ соответствовали бы истинной природѣ этихъ предметовъ. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что если мы хотимъ проверить истинность нашихъ представленiй о предметахъ, то мы должны апеллировать къ чувственному опыту, т.-е. къ практикѣ. Этотъ выводъ и былъ усвоенъ всѣми нѣмецкими послѣдователями Фейербаха 1). Нѣкоторые изъ нихъ пытались построить на немъ цѣлую философию („философию дѣла“—Philosophie der That). Чернышевскiй обосновалъ съ его помощью свою эстетическую теорiю и отчасти свою теорiю нравственности (классификацiя человѣческихъ потребностей). Но ни самъ Фейербахъ, ни Чернышевскiй и никто другой изъ учениковъ Фейербаха, *кроме Маркса и Энгельса*, не воспользовался этимъ выводомъ для обоснованiя материалистическаго взгляда на исторiю. И вотъ почему только Марксу и Энгельсу суждено было стать „основоположниками“ *научнаго социализма*. Всѣ же остальные ученики Фейербаха, не исключая и нашего великаго Чернышевскаго, продолжали—поскольку они склонялись къ социализму—придерживаться точки зрѣнiя *социализма утопическаго*.

Ю. М. Стекловъ продолжаетъ: „Что Чернышевскiй обѣими руками подписался бы подъ положенiемъ: «философы только различнымъ образомъ объясняли мiръ, но задача состоитъ въ томъ, чтобы его измѣнить»,—это само собою разумѣется. Въ иныхъ словахъ онъ самъ неоднократно высказывалъ эту мысль“ (стр. 127). Это, въ самомъ дѣлѣ, само собою разумѣется; но „само собою разумѣется“ и то, что съ этой мыслью безусловно согласились бы всѣ социалисты-утописты XIX столѣтiя, начиная съ Фурье и Сень-Симона, поставившихъ себѣ совершенно опредѣленную задачу „измѣненiя мiра“. Доказываетъ ли это, что социалисты-утописты не были социальными утопистами? Едва ли!

Станнымъ кажется мнѣ и слѣдующее соображенiе Ю. М. Стеклова: „Какъ просвѣтителя, Чернышевскаго естественно тянуло къ возвеличенiю личности, къ познанию опредѣляющей роли историческихъ героев, и нѣкоторая слабость въ этомъ отношенiи иногда у него проявляется. Но присущiй ему реализмъ, основанный на материалистическомъ пониманiи мiра, удерживалъ его отъ естественныхъ увлеченiй и заставлялъ рѣшать вопросъ о роли личности въ исторiи въ смыслѣ очень близкомъ къ

1) Самъ Фейербахъ, конечно, тоже не разъ повторялъ его. Вотъ примѣръ: „Nur das sinnliche Wissen ist gewisses, zweifelloses Wissen. Der Sinn braucht keinen Beweis, er ist selbst der Beweis. Der Sinn ist das vorzüglichste Licht, nur er klärt alle Dunkelheiten und Zweifel auf. Niemand fragt, disputirt und räsionirt jetzt noch darüber, ob es eine Neue Welt gibt, nachdem sie von Columbus entdeckt worden“. (Только чувственное знанiе есть достовѣрное, несомнѣнное знанiе. Чувство не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ, оно само есть доказательство. Чувство есть самый яркiй свѣтъ, только оно освѣщаетъ всякую темноту и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнiя. Никто теперь не спрашиваетъ, не разсуждаетъ и не споритъ о томъ, существуетъ ли Америка, послѣ того какъ она была открыта Колумбомъ).

Дѣлая разбираемое здѣсь сопоставленiе, Ю. М. Стекловъ ссылается на одно мѣсто моей брошюры: „Основные вопросы марксизма“. Но онъ, какъ видно, не совсемъ правильно ~~ссылался~~ это мѣсто.

марксистскому пониманию этого вопроса. Личность есть продуктъ исторiи и общества, говоритъ онъ и показываетъ это на примѣрѣ Бѣлинскаго. Кто вникнетъ въ обстоятельства, среди которыхъ должна была дѣйствовать критика гоголевскаго періода, тотъ,—замѣчаетъ Чернышевскiй:—ясно пойметъ, что характеръ ея совершенно зависѣлъ отъ нашего историческаго положенiя“ (стр. 128—129).

Въ примѣчанiи на стр. 129 онъ прибавляетъ: „Въ этомъ смыслѣ онъ (т.-е. Чернышевскiй. Р. П.) говорилъ, что вины почти никогда не бываетъ, а бываетъ только бѣда“.

Признаюсь, это одно изъ тѣхъ соображенiй, которыя хоть кого поставятъ втупикъ своей полнѣйшей неожиданностью. Та мысль, что „вины почти никогда не бываетъ на свѣтѣ, а бываетъ только бѣда“,—есть основная мысль Роберта Оуэна о человѣческомъ характерѣ; того самаго Оуэна, котораго такъ хорошо зналъ и такъ высоко ставилъ Чернышевскiй. И эта же мысль,—въ той ея болѣе общей формѣ, что человекъ есть продуктъ общественныхъ отношенiй,—на всѣ лады развивается всѣми утопистами-социалистами XIX-го столѣтiя, какъ на это вѣрно указано еще Марксомъ въ его полемикѣ съ Бруно-Бауеромъ. Неужели Ю. М. Стекловъ позабылъ объ этомъ? А если не позабылъ, то неужели онъ думаетъ, что, усваивая (отъ материалистовъ) эту мысль, социалисты-утописты переставали быть социалистами-утопистами?

Та мысль, что личность есть продуктъ общественныхъ отношенiй, сама по себѣ вѣрна, хотя и не при всякомъ ея истолкованiи. Но то обстоятельство, что она вѣрна, еще не доказываетъ, что человекъ, ея раздѣляющiй, дошелъ до историческаго материализма.

Марксъ говоритъ: „Материалистическое ученiе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанiя,—и что, слѣдовательно, измѣнившiеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанiя,—забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ. Оно необходимо приводитъ, поэтому, къ раздѣленiю общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ *надъ* обществами (напр., у Роберта Оуэна)“ (Третiй тезисъ о Фейербахѣ).

Подъ материалистическимъ ученiемъ, забывающимъ о томъ, что „воспитатель самъ самъ долженъ быть воспитанъ“, Марксъ понимаетъ здѣсь ученiе материалистовъ и вообще просвѣтителей, оставшихся, какъ уже сказано мною выше, идеалистами въ исторiи. Материалисты этого рода (повторяю: идеалисты въ исторiи) въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на общество, какъ на цѣлое, состоящее изъ двухъ частей, причѣмъ одна часть представляетъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанiя, а другая передѣлываетъ или, по крайней мѣрѣ, старается передѣлать, данныя обстоятельства и данные способы воспитанiя согласно требованiямъ разума. Фейербахъ принадлежалъ къ числу материалистовъ этого рода. Критикуя материализмъ Фейербаха, Марксъ съ гениальной пронципальностью указалъ на свойственное этому материализму противорѣчiе: съ одной стороны, человекъ,—а, слѣдовательно, и воспитатель,—создается обстоятельствами, съ другой—обстоятельства должны представлять собою продуктъ дѣятельности воспитателя, направляющейся по указанiямъ разума. Въ исторiи противорѣчiе это разрѣшалось тѣмъ, что требованiя разума, согласно которымъ „воспитатель“ направлялъ свою дѣятельность, сами возникали подъ влиянiемъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Другими словами: въ исторiи противорѣчiе это разрѣшалось тѣмъ, что *бытiе* опредѣляло собой созна-

ніе вообще и сознание „воспитателя“,—т.-е. просвѣтителей и всѣхъ другихъ реформаторовъ и революціонеровъ,—въ частности. Понять и обнаружить эту историческую зависимость сознания отъ бытія и значило перейти отъ идеалистическаго объясненія исторіи—къ материалистическому. Фейербахъ не сумѣлъ рѣшить эту задачу. Ея рѣшеніе выпало на долю Маркса и Энгельса. Но, рѣшая эту задачу, Марксъ и Энгельсъ только примѣняли къ исторіи основное положеніе Фейербахова материализма, состоявшее именно въ томъ, что не бытіе опредѣляется сознаниемъ (какъ это было у Гегеля и другихъ идеалистовъ), а, наоборотъ, сознание бытіемъ. Поэтому можно сказать, что историческій материализмъ заключался въ материализмъ Фейербаха, какъ дубъ заключается въ желудѣ: въ зародышѣ, an sich, чтобы употребить здѣсь выраженіе Гегеля¹⁾. И именно потому, что историческій материализмъ заключался an sich въ материалистической философіи Фейербаха, мы подчасъ встрѣчаемъ у этого послѣдняго такіа замѣчанія объ исторической и общественной жизни человечества, которыя имѣютъ совершенно материалистическій характеръ. Уже Энгельсъ отмѣтилъ нѣкоторыя изъ такихъ замѣчаній: „Во дворцахъ мыслятъ иначе, чѣмъ въ хижинахъ“.—„Если у тебя отъ голода и по бѣдности нѣтъ питательныхъ веществъ въ тѣлѣ, то и въ головѣ твоей, въ твоихъ чувствахъ и въ твоемъ сердцѣ нѣтъ материала для нравственности“.—„Политика должна быть нашей религіей“. Я прибавлю здѣсь еще нѣкоторыя. Фейербахъ говоритъ: „Die Menschen sind da Menschen, wo es mit ihren Interessen übereinstimmt, Menschen zu sein, oder wo sie keine Interesse haben, nicht Menschen zu sein. Wo sie aber nur im Widerspruch mit ihrem Eigennutz, ihrem Egoismus Mensch sein können, sind sie lieber Bestien“. По русски: „Люди только тогда люди, когда въ нихъ интересахъ быть людьми, или когда у нихъ нѣтъ никакого интереса быть не людьми. А тамъ, гдѣ они могутъ быть людьми лишь въ противорѣчіи со своей пользой, они скорѣе становятся звѣрями“²⁾. А вотъ еще: „Der Verstand der Standespersonen reicht ins gemein nicht über die Gränzen ihres Standes. Ihr Stand ist Standpunkt, von dem aus die alle Dinge ansehen“. Въ этихъ строкахъ заключается непереводаемый каламбуръ, основанный на созвучіи словъ: Verstand (разсудокъ), Stand (сословіе или вообще болѣе или менѣе высокое общественное положеніе) и Standpunkt (точка зрѣнія). Но смыслъ этихъ строкъ можетъ быть съ полной точностью переданъ и по-русски. Фейербахъ говоритъ въ нихъ, что разсудокъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ (или вообще занимающимъ высокое общественное положеніе), обыкновенно не идетъ дальше границъ ихъ сословія (или общественнаго положенія). Ихъ сословіе (или общественное положеніе) есть та точка зрѣнія, съ которой они смотрятъ на всѣ вещи³⁾. Или: „Nur die «Lumpen» sind Revolutionäre! Natürlich, mit einem schweren Geldsack auf dem Buckel Kannst du keine hohen Sprünge machen“. По-русски: только „голыши“—революціонеры! Это естественно: съ тяжелымъ денежнымъ мѣш-

¹⁾ А примѣняя къ нему его собственное выраженіе, употребленное имъ, конечно, по совершенно другому поводу, надо сказать такъ: Фейербахъ знаетъ и настойчиво повторяетъ, что не бытіе опредѣляется сознаниемъ, а сознание бытіемъ, но er bleibt bei dem Allgemeinen dieses Gedankens stehen (эта мысль остается у него въ своемъ общемъ, т.-е. не развитомъ видѣ).

²⁾ Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner Philosophischen Charakterentwicklung, durchgestellt von Karl Grün. Zweites Band, Leipzig und Heidelberg. 1874. S. 317.

³⁾ Тамъ же, стр. 325.

комъ на спинѣ трудно прыгнуть высоко¹⁾. Наконецъ: „Ich denke nur als ein durch die Geschichte erzogenes, verallgemeinertes, mit dem Ganzen, der Gattung, dem Geist der Weltheschichte vereinigt Subject; meine Gedanken haben ihren Anfang und Grund nicht unmittelbar in meiner besondern Subjektivität, sondern sind Resultate; ihr Anfang und Grund ist der Anfang und Grund der Weltgeschichte selbst“. Это значить: Я думаю лишь какъ воспитанный исторіей, обобщенный, связанный съ цѣлымъ, съ родомъ, съ духомъ всемірной исторіи субъектъ; мои мысли имѣютъ свое начало и свое основаніе не непосредственно въ моей особенной субъективности, но представляютъ собою результаты; ихъ начало и основаніе есть начало и основаніе самой всемірной исторіи²⁾. Этого, кажется, довольно! Это чрезвычайно похоже на то, что говорилъ впоследствии Марксъ: тутъ и материализмъ, тутъ и „историзмъ“ (выраженіе Ю. М. Стеклова). Слѣдующаго метода, которымъ пользуется авторъ интересующей меня здѣсь книги, надо сказать, что ошибаются „нѣкоторые“, утверждающіе, что Фейербахъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха, такъ какъ на самомъ дѣлѣ взгляды Фейербаха представляютъ собою переходъ—отъ... Фейербаха къ Марксу, т.-е. къ научному социализму, и притомъ они ближе къ этому послѣднему, чѣмъ... къ Фейербаху. И на эту тему можно было бы даже написать цѣлое сочиненіе, которое навѣрно не лишено было бы пикантности. Но такъ поступить можно было бы именно только пользуясь методомъ автора интересующей меня здѣсь книги. А въ дѣйствительности Фейербахъ былъ Фейербахомъ, и взгляды его были взглядами Фейербаха, а вовсе не представляли собою перехода отъ Фейербаха къ Марксу. И, оставаясь Фейербахомъ, Фейербахъ, которому удалось высказать нѣсколько блестящихъ и глубокихъ материалистическихъ мыслей объ „общественномъ человѣкѣ“, былъ идеалистомъ въ своемъ взглядѣ на исторію. И въ этомъ все дѣло.

II.

Я уже указалъ на то, что книга Ю. Стеклова представляетъ собою отпадное литературное явленіе. Но именно потому я буду говорить съ нимъ „напрямикъ“, скажу „безъ изгиба“ все то, что я думаю о томъ, какъ и почему ошибся онъ въ своей оцѣнкѣ историческаго значенія Чернышевскаго.

Онъ знаетъ Фейербаха лишь по изложеніямъ. Но кто излагалъ въ послѣднее время философію Фейербаха? Писатели изъ буржуазнаго лагеря мало занимались имъ; для нихъ, безповоротно склонившихся къ идеализму, этотъ материалистъ былъ мало интересенъ. О немъ говорили преимущественно писатели-социалисты, работавшіе надъ вопросомъ о развитіи научнаго социализма. Этихъ писателямъ по необходимости приходилось съ наибольшимъ вниманіемъ останавливаться на томъ, въ чемъ заключалось отличіе взглядовъ Фейербаха отъ взглядовъ Маркса, т.-е. подчеркивать идеалистическій характеръ свойственнаго Фейербаху пониманія исторіи. И хотя писатели эти не забывали прибавлять, что въ разсужденіяхъ Фейербаха объ „общественномъ человѣкѣ“ встрѣчается много отдѣльных взглядовъ чисто-материалистическаго характера, но у ихъ читателей, не знакомыхъ въ подлинникъ съ Фейербахомъ, все-таки могло составить неправильное представленіе объ историческихъ взглядахъ этого послѣд-

¹⁾ Тамъ же, та же стр.

²⁾ Ludwig Feuerbach. I Band. S. 309.

ниги: они могли подумать, что въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ элементъ матеріализма. А когда имъ случалось потомъ встрѣтить у того или другого изъ учениковъ Фейербаха тѣ или другія матеріалистическія мысли объ исторіи, имъ естественно должно было казаться, что ученикъ этотъ покинулъ точку зрѣнія своего учителя и самостоятельно пошелъ по той дорогѣ, по которой съ такимъ успѣхомъ прошли Марксъ и Энгельсъ. Именно это и случилось съ Ю. М. Стекловымъ. Этимъ и объясняется главный недостатокъ его книги.

Въ дѣйствительности Чернышевскій до конца жизни продолжалъ стоять на точкѣ зрѣнія Фейербаха, между прочимъ, и въ своемъ пониманіи исторіи. Что въ его разсужденіяхъ о жизни и исторіи человѣческаго общества встрѣчается много блестящихъ и глубокихъ матеріалистическихъ замѣчаній, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и это указано было мною уже двадцать лѣтъ тому назадъ. Но мы знаемъ теперь, что и у Фейербаха можно найти не мало такихъ замѣчаній. А что въ общемъ и цѣломъ Чернышевскій, подобно своему учителю Фейербаху, держался историческаго идеализма,—это, казалось бы, должно быть ясно всякому, со вниманіемъ прочитавшему хотя бы его полемику съ Герценомъ о причинахъ паденія Рима. Напомню для примѣра разсужденія противопоставляемыя имъ той мысли, что западная римская имперія погибла вслѣдствіе своей внутренней неспособности къ дальнѣйшему прогрессивному развитію, а варвары, ее разрушившіе, принесли съ собою новыя сѣмена прогресса.

„Да подумайте только, что такое значить прогрессъ и что такое значить варваръ“—воскликаетъ онъ.—„Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній... Развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерство и т. д... Разрабатывается историческое знаніе, отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устроить свою общественную жизнь, и она устривается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развивается умственные силы человѣка, и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было,—значить улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ—результатъ знанія. Что же такое варвары? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ, человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько-нибудь развитаго ума... Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все-таки человѣческія, все-таки имѣющія въ себѣ хоть что-нибудь, хоть нѣсколько разумное, — замышляются животными обычаями?“¹⁾

Въ чемъ состоитъ взглядъ, лежащій въ основѣ всего этого разсужденія? Въ томъ, „что мнѣніе правитъ міромъ“, какъ выражались французскіе просвѣтители XVIII вѣка. Кажется, что это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. А если—не подлежитъ, то спрашивается: на что же похожа эта философія исторіи, на историческій *материализмъ* Маркса или же на историческій *идеализмъ* французскихъ просвѣтителей? Кажется, что и тутъ трудно колебаться въ отвѣтъ!

Въ статьѣ „Политическія красоты“ Чернышевскій говоритъ о Боклѣ, какъ о человѣкѣ, на котораго лишь по смѣшному недоразумѣнію могли ссылаться люди, нападавшіе на статью „Антропологическій принципъ философіи“. И это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что въ своемъ пониманіи исторіи Бокль былъ,—говоря вообще,—чистымъ идеалистомъ, у котораго все дѣло сводилось къ успѣхамъ разума. Его историческая философія, какъ двѣ капли похожа на ту, которую мы находимъ въ статьѣ Чернышевскаго: „О причинахъ паденія Рима“.

Неужели Ю. М. Стекловъ позабылъ объ этой статьѣ? Нѣтъ, не позабылъ. Онъ пишетъ о ней вотъ что:

„Но мы и не говоримъ, что онъ (конечно, Чернышевскій. Г. П.) создалъ цѣльную и законченную систему историческаго матеріализма: Онъ только близко подошелъ къ ней. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: „О причинахъ паденія Рима“ онъ говоритъ, что прогрессъ—результатъ знанія, и успѣхи прогресса прямо пропорціональны степени совершенства и степени распространенности знаній. Но этихъ положеній Чернышевскаго нельзя истолковывать въ смыслѣ прямолинейнаго и узкаго раціонализма, такъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда Чернышевскому приходилось говорить о движущихъ силахъ исторіи, онъ указывалъ ихъ въ экономическихъ факторахъ и въ борьбѣ классовъ“¹⁾.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ надо понимать въ данномъ случаѣ „экономическія факторы“ и „борьбу классовъ“, а теперь я спрошу Ю. М. Стеклова, опровергаетъ ли кого-нибудь его замѣчаніе о томъ, что приведенныя мною положенія Чернышевскаго „нельзя истолковывать въ смыслѣ прямолинейнаго и узкаго раціонализма?“ По моему—ровно никого! И это по той какъ нельзя болѣе простой, но вполне достаточной причинѣ, что, вѣдь, рѣчь-то у насъ идетъ о томъ, былъ ли Чернышевскій, по своимъ историческимъ взглядамъ, *раціоналистомъ* (т.-е. идеалистомъ), а вовсе не о томъ, былъ ли онъ „*прямолинейнымъ и узкимъ* раціоналистомъ“. Зачѣмъ же подставлять вмѣсто одного вопроса другой, на него совершенно непохожій? При правильной же постановкѣ вопроса, дѣло представляется такъ: я писалъ и пишу, что въ своемъ пониманіи исторіи Чернышевскій оставался раціоналистомъ, несмотря на то, что ему,—совершенно такъ же какъ и Фейербаху,—нерѣдко случалось высказывать матеріалистическія взгляды объ отдѣльныхъ историческихъ и общественныхъ явленіяхъ, а Ю. М. Стекловъ доказываетъ, что въ этомъ случаѣ „нѣкоторые“ заблуждаются, т.-е. что я неправъ. Читатель видѣлъ, насколько убѣдительно были тѣ доводы Ю. М. Стеклова, которые мы разсмотрѣли до сихъ поръ. Теперь мы идемъ дальше:

„Этотъ раціоналистъ, продолжаетъ онъ:—опредѣленно высказывалъ, что „разсудокъ чуть ли не совершенно безсиленъ въ исторіи“²⁾.

Что правда, то правда! Нашъ великій раціоналистъ въ самомъ дѣлѣ очень „опредѣленно высказывалъ“ это. Но, вѣдь, столь же „опредѣленно“ высказывали это и французскіе (тоже чуждые „прямолинейности и узости“) просвѣтители XVIII столѣтія³⁾. Значитъ ли это, что они чужды раціонализма?

Въ своей книгѣ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ я показалъ, что французскіе просвѣтители XVIII вѣка не могли,—

¹⁾ «Н. Г. Чернышевскій» стр. 141.

²⁾ Тамъ же, стр. 135.

³⁾ У Кондильяка, въ его „Историческихъ урокахъ принципу Пармскому“, Ю. М. Стекловъ найдетъ весьма краснорѣчивыя разсужденія о безсиліи разсудка въ исторіи.

благодаря недостаткамъ своего метода,—справиться, между прочимъ, съ такой антиноміей:

„*Положеніе*. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что религіозная мораль,—напримѣръ, заповѣдь о любви къ ближнему,—хотя отчасти содѣйствовала нравственному улучшенію людей. Такого рода заповѣди, какъ и вообще идеи, совершенно безсильны надъ людьми. Все дѣло въ общественной средѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ“¹⁾.

„*Противоположеніе*. Историческій опытъ показываетъ намъ, „que les opinions soignées furent la source véritable des maux du genre humain“²⁾ и это совершенно понятно, потому что, если мнѣнія вообще управляютъ міромъ, то ошибочныя мнѣнія управляютъ имъ, какъ кровожадные тираны“.

Ю. М. Стекловъ безъ труда можетъ убѣдиться въ томъ, что мысль, заключающаяся здѣсь въ тезисѣ, и есть та мысль Чернышевскаго, согласно которой „разсудокъ чуть ли не совершенно безсильнъ въ исторіи“, и которая ввела его, Ю. М. Стеклова, въ заблужденіе при едѣннѣ точки зрѣнія Чернышевскаго.

Читатель позволитъ мнѣ сдѣлать еще двѣ выписки изъ того же моего сочиненія. Въ нихъ указываются еще двѣ изъ тѣхъ антиномій, въ которыхъ путались французскіе просвѣтители, благодаря недостаткамъ своего (метафизическаго) метода.

Первая антиномія.

„*Положеніе*. Человѣкъ, со всеми своими *мнѣніями*, есть плодъ *среды* и преимущественно общественной среды. Это неизбежный выводъ изъ основнаго положенія Локка: по innate principles, *нѣтъ врожденныхъ идей*“.

„*Противоположеніе*. *Среда*, со всеми своими свойствами, есть плодъ *мнѣній*. Это неизбежный выводъ изъ основнаго положенія исторической философіи французскихъ матеріалистовъ: c'est l'opinion, qui gouverne le monde (міромъ правитъ мнѣніе)“³⁾.

Методъ, находившійся въ распоряженіи Чернышевскаго, тоже не давалъ ему возможности разрѣшить эту антиномію. Но у него,—какъ и у всѣхъ социалистовъ-утопистовъ,—встрѣчаются обѣ составныя части этой антиноміи, т.-е. и положеніе (мнѣнія—плодъ среды), и противоположеніе (среда—плодъ мнѣній). Мы уже видѣли, какъ ошибся Ю. М. Стекловъ, встрѣтившись у Чернышевскаго съ той мыслью, что человѣкъ со всеми своими мнѣніями создается средою.

А, можетъ быть, французскіе просвѣтители XVIII вѣка тоже переросли Фейербаха и приближались къ Марксу? Пусть отвѣтитъ на это Ю. М. Стекловъ.

Вторая антиномія (производится отъ предыдущей).

„*Положеніе*. Человѣкъ считаетъ хорошими тѣ общественныя отношенія, которыя для него полезны; онъ считаетъ дурными тѣ отношенія, которыя для него вредны. *Мнѣнія людей опредѣляются ихъ инте-*

1) Назван. соч., четвертое изданіе, стр. 8. Въ одномъ изъ примѣчаній къ этой страницѣ я подтверждаю мои слова ссылкой на Гильбаха, Гельвеція, Гримма и Вальтера. Къ этому примѣчанію я и отсылаю Ю. М. Стеклова, которому, разумѣется извѣстна моя книга. Сравни также стр. 139 и 140 того же изданія.

2) По-русски это значитъ, что религіозныя взгляды были истинными источниками бѣдствій человѣческаго рода.

3) Стр. 7.

ресами. „l'opinion chez un peuple est toujours déterminée par un intérêt dominant“—говоритъ Сюаръ (мнѣніе даннаго народа всегда опредѣляется господствующимъ въ его средѣ интересомъ (Suard, t. III, p. 401). Это даже не *выводъ* изъ ученія Локка, это простое повтореніе его словъ: „No innate practical principles... Virtue generally approv'd; not because innate, but because profitable... Good and Evil... are nothing but Pleasure or Pain, or that Which occasions or procures Pleasure or Pain, to us“ („Нѣтъ врожденныхъ нравственныхъ идей... Добродѣтель одобряется людьми не потому, что она врождена имъ, а потому, что она имъ выгодна. Добро и зло... суть не что иное, какъ удовольствіе или страданіе, или то, что причиняетъ намъ удовольствіе или страданіе“. Essay concerning human understanding. B. I ch. 3; B. II ch. 20, 21, 28).

„*Противоположеніе*. Данныя отношенія кажутся людямъ полезными или вредными въ зависимости отъ общей системы мнѣній этихъ людей. По словамъ того же Сюара, всякій народъ „ne veut, n'aime, n'approuve, que ce qu'il croit être utile“ („всякій народъ любитъ, поддерживаетъ и оправдываетъ лишь то, что считаетъ полезнымъ“). Слѣдовательно въ послѣднемъ счетѣ все опять сводится къ мнѣніямъ, которыя управляютъ міромъ“¹⁾.

Эта антиномія не была разрѣшена ни матеріалистической философій XVIII вѣка, ни утопическимъ социализмомъ XIX столѣтія. Но какъ у матеріалистовъ XVIII столѣтія, такъ и у социалистовъ-утопистовъ XIX вѣка мы однаково часто встрѣчаемся съ обѣими составными частями этой антиноміи, т.-е. какъ съ той мыслью, что пониманіе человѣкомъ своихъ интересовъ опредѣляется его мнѣніями, такъ и съ тою, что мнѣнія людей опредѣляются ихъ интересами. Это непременно должно знать и помнить всякій историкъ общественной мысли, потому что, при отсутствіи такого знанія, онъ можетъ стать жертвой большого и,—скажу опять прямо,—даже смѣшнаго недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, прочитавъ Сюара, что „мнѣнія даннаго народа всегда опредѣляются господствующимъ въ его средѣ интересомъ“, онъ можетъ вообразить, что Сюаръ былъ „экономическимъ матеріалистомъ“ и въ качествѣ такового переросъ точку зрѣнія Фейербаха и приближался къ научному социализму. Да что Сюаръ! Что восемнадцатое столѣтіе! Жертва большого и смѣшнаго недоразумѣнія, такой историкъ выдастъ, пожалуй, за экономическаго матеріалиста самаго Локка; вѣдь, говорилъ же этотъ послѣдній, что „добродѣтель одобряется людьми не потому, что она врождена имъ, а потому, что она имъ выгодна“.

Смыслъ басни сей таковъ, что съ понятіями „интересъ“, „выгода“, а также и съ родственнымъ имъ понятіемъ „экономическій факторъ“, слѣдуетъ обращаться очень осторожно. А я боюсь, что Ю. М. Стекловъ не обнаружилъ большой осторожности въ обращеніи со всеми этими понятіями.

Ю. М. Стекловъ повторяетъ: „Чернышевскій безусловно былъ объективистомъ“²⁾; „итакъ, зачислить Чернышевскаго въ ряды „субъективистовъ“ никакъ не удастся“³⁾. Тутъ онъ правъ. Но бѣда въ томъ, что понятіе рациональности отнюдь не покрывается понятіемъ субъективности. Второе понятіе несравненно уже перваго. Чтобы выразиться словами Ю. М. Стеклова, я скажу, что субъективность есть „прямолинейный и узкій рационализмъ“, какимъ Чернышевскій никогда не былъ. Субъективисты

1) Тамъ же, стр. 7—8.

2) Тамъ же, стр. 132.

3) Тамъ же, стр. 134.

явились у насъ уже *послѣ* Чернышевскаго и показались большими именно потому и только потому, что великій человѣкъ былъ удаленъ съ нашей литературной сцены. Чернышевскій стоялъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха, а субъективисты, — какъ я показалъ въ той же книгѣ объ историческомъ монизмѣ, — ведутъ свою родословную отъ Бруно-Бауэра и Ко. Это — „двѣ большія разницы“.

Очень ошибается Ю. М. Стекловъ и тогда, когда считаетъ Чернышевскаго родоначальникомъ нашего народничества. Народничество явилось въ исторіи нашего социализма первой апелляціей отъ „сознанія“ къ „бытію“, т.-е. первой попыткой найти въ нашей общественной экономіи ручательство за торжество социалистическаго идеала. Такимъ ручательствомъ была въ глазахъ народниковъ наша поземельная община. Чернышевскій, какъ извѣстно, не только не игнорировалъ общины, но очень удачно защищалъ ее отъ нападокъ нашихъ вулгарныхъ экономистовъ. Однако, это еще не даетъ основанія считать его народникомъ. Въ противность народникамъ, онъ вовсе не считалъ общины *необходимымъ* ручательствомъ за торжество у насъ социализма: подобно всѣмъ просвѣтителямъ, онъ былъ убѣжденъ, что *необходимымъ* и достаточнымъ ручательствомъ этого торжества служить *сила идеи*. И эта сторона его міросозерцанія съ особенной яркостью обнаружилась тогда, когда ему пришлось вступить въ споръ съ настоящимъ родоначальникомъ нашего народничества, т.-е. съ Герценомъ. Я уже сказалъ, — да и самъ Стекловъ согласенъ съ этимъ, — что въ своей статьѣ: „О причинахъ паденія Рима“ Чернышевскій рассуждалъ, какъ человѣкъ, всецѣло стоявшій на точкѣ зрѣнія историческаго идеализма.

Ю. М. Стекловъ цитируетъ (изъ дневника Левицкаго) такія замѣчанія Левицкаго (Добролюбова) о Волгинѣ (Чернышевскомъ): „Онъ не вѣритъ въ народъ“. Какой же народникъ не вѣрилъ въ народъ? Или: „По его мнѣнію, народъ такъ же подлъ и пошлъ, какъ общество“¹⁾. Какой народникъ согласился бы повторить и эти слова?

III.

Характеризуя экономическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго, Ю. М. Стекловъ говоритъ: „Конечно, въ настоящее время многіе взгляды Чернышевскаго на экономическіе вопросы устарѣли, да и вся его система въ цѣломъ, поскольку можно говорить о такой системѣ, является страшно отсталой сравнительно съ системой научнаго социализма. Но въ свое время работы Чернышевскаго сыграли значительную роль, а нѣкоторые его взгляды до сихъ поръ выдерживаютъ строгое испытаніе научной критики“²⁾.

Справедливо то, что въ свое время экономическія сочиненія Чернышевскаго имѣли у насъ огромное значеніе³⁾. Но удивительно, что Ю. М. Стеклову и въ голову не приходитъ спросить себя, почему же „являются страшно отсталыми сравнительно съ системой научнаго социализма“ экономическіе взгляды такого писателя, который, по его же Ю. М. Стеклова, словамъ, приближался къ научному социализму — и приближался именно

¹⁾ Тамъ же, стр. 343.

²⁾ Тамъ же, стр. 218—219.

³⁾ И именно потому, что они имѣли такое значеніе, непонятно, отчего Ю. М. Стекловъ не нашелъ нужнымъ заняться внимательнымъ ихъ разсмотрѣніемъ.

тѣмъ, что понималъ преобладающую въ исторіи роль „экономическаго фактора“? Я могу увѣрить Ю. М. Стеклова, что его книга много потеряла отъ того, что онъ не задумался надъ этимъ вопросомъ.

Нашъ авторъ продолжаетъ: „Какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, но именно въ области экономическихъ вопросовъ, разработкой которыхъ Чернышевскій наиболѣе интересовался и наиболѣе прославился, взгляды нашего автора оказываются наиболѣе уязвимыми. Здѣсь сказалося вліяніе исторической эпохи и социальной среды, окружавшей Чернышевскаго и заставившей его устремлять свое главное вниманіе не столько на анализъ существующаго, сколько на изслѣдованіе желательнаго ему общественнаго уклада. А это придавало особенную окраску его экономическимъ воззрѣніямъ и не могло не оказывать сильнѣйшаго вліянія на результаты его работъ въ этой области“¹⁾.

Я не стану повторять, что это въ самомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе странно. Но я прибавлю, что странно это не только „на первый взглядъ“. Наоборотъ! Если бы Ю. М. Стекловъ подумалъ объ этомъ явленіи, то оно тѣмъ болѣе казалось бы ему страннымъ, чѣмъ болѣе онъ старался бы объяснить его себѣ и привести въ логическую связь со своимъ общимъ взглядомъ на Чернышевскаго, какъ на человѣка, покинувшаго точку зрѣнія утопическаго социализма и приблизившагося къ социализму научному. И такъ продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдился бы, что нельзя объяснить это странное явленіе, не отвергнувъ его общаго взгляда на Чернышевскаго.

И что это за доводы! „Здѣсь сказалося вліяніе исторической эпохи и социальной среды, окружавшей Чернышевскаго“. Конечно, „сказалося“! Этого никто не оспариваетъ. Весь вопросъ въ томъ, каковы были результаты названнаго вліянія, т.-е. не привело ли оно Чернышевскаго на точку зрѣнія социалиста-утописта. Я утверждаю, что привело. Именно потому, что указанное Ю. М. Стекловымъ вліяніе привело Чернышевскаго на точку зрѣнія социалиста-утописта, онъ не только могъ, но и долженъ былъ, — это подтверждается примѣромъ рѣшительно всѣхъ социалистовъ-утопистовъ! — „устремлять свое главное вниманіе не столько на анализъ существующаго, сколько на изслѣдованіе желательнаго ему общественнаго уклада“. Кромѣ того, неужели Ю. М. Стекловъ думаетъ, что другіе социалисты-утописты не подвергались вліянію окружавшей ихъ среды?

По словамъ Ю. М. Стеклова, задача экономической системы, изложенной Чернышевскимъ въ его „Примѣчанія къ Миллю“, заключалась, — благодаря вліянію „историческаго момента“, — въ томъ, чтобы найти и выставить общіе принципы, примѣнимые ко всѣмъ историческимъ укладамъ экономической жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать въ видѣ общаго абриса основы „раціональнаго“ экономическаго устройства, удовлетворяющаго интересы всего общества. Такъ что и въ основѣ его анализа существующихъ экономическихъ отношеній обыкновенно лежитъ задняя мысль: обнаружить противорѣчіе этихъ данныхъ отношеній постояннымъ экономическимъ принципамъ и ихъ убыточность для общества“²⁾.

Почему же это? Ясно — почему. Потому что Чернышевскій смотрѣлъ на экономическую жизнь общества глазами рационалиста. Ну, а могъ ли бы онъ смотрѣть на экономическую жизнь общества глазами рационалиста, если бы онъ былъ близокъ къ материалистическому объясненію исторіи?

¹⁾ Тамъ же, стр. 219.

²⁾ Тамъ же, стр. 235.

Ю. М. Стекловъ самъ измѣняетъ „историзму“, когда пытается опредѣлить историческіе взгляды Чернышевскаго. Онъ пишетъ: „Марксъ въ первыхъ своихъ работахъ говоритъ о „гражданскомъ обществѣ“, какъ совокупности извѣстныхъ экономическихъ и социальныхъ отношеній. Эти терминъ употребляются и Чернышевскимъ. Если мы прослѣдимъ исторію каждой изъ европейскихъ націй, говорятъ онъ, то мы увидимъ, что весь ея современный бытъ, все ея наклонности объясняются вліяніемъ тѣхъ гражданскихъ учреждений, подъ вліяніемъ которыхъ она жила и живетъ“¹⁾.

Но развѣ же эта мысль Чернышевскаго встрѣчается только у Маркса? Нѣтъ, она встрѣчается у французскихъ историковъ и социалистовъ *гораздо раньше его*. Такъ, напримеръ, Сэнъ-Симонъ въ своемъ письмѣ къ редактору „Journal Général de France“ отъ 12-го мая 1818 года (замѣтите, Ю. М. Стекловъ, 1818 года) писалъ „La loi qui constitue la propriété est la plus importante de toutes; c'est elle qui sert à l'édifice sociale“. По русски: „Законъ, опредѣляющій собственность, важнѣе всехъ прочихъ; на немъ покоится общественное зданіе“. Въ этомъ же смыслѣ неразъ высказывался и Викторъ Консидеранъ. Такъ же смотрѣли Гизо, Минье, Токвилль. Токвилль утверждалъ, что на отношенія собственности можно смотрѣть, какъ на „первую причину законовъ, обычаевъ и идей, опредѣляющихъ себѣ дѣятельность народовъ“. Поэтому, чтобы понять законодательство и права давняго народа, необходимо изучить господствующія у него отношенія собственности²⁾. Два послѣдніе тома сочиненія Токвилля объ Америкѣ всецѣло посвящены изслѣдованію того, какъ существующія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки отношенія собственности вліяютъ на умственные и даже эстетическія привычки и потребности тамошнихъ гражданъ. Ю. М. Стекловъ, какъ видно, не зналъ этого или позабылъ объ этомъ.

Но этимъ еще не исчерпывается его грѣхъ противъ историзма. Онъ говоритъ:

„Чернышевскій дѣлаетъ блестящее замѣчаніе относительно происхожденія абсолютной монархіи въ результатѣ классовой борьбы между высшими и низшими классами...“ Въ Греціи тираны были предводителями демократовъ и добивались власти, низверженія аристократическаго устройства тогдашнихъ обществъ. Императоры въ Римѣ тоже вышли изъ предводителей демократической партіи. То же самое было во всехъ новыхъ государствахъ западной Европы. Особенно ясно, по словамъ Чернышевскаго, это наблюдается въ исторіи Франціи: вся сила королей была приобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Подобное явленіе, говоритъ Чернышевскій, продолжается до сихъ поръ въ тѣхъ государствахъ западной Европы, гдѣ сохраняется неограниченная монархія. Австрія побѣдила конституціонныя стремленія только тѣмъ, что въ 1848—49 годахъ была поддержана демократическими слоями своихъ восточныхъ областей противъ аристократическихъ венгровъ, составлявшихъ главную силу конституціонной партіи. Такихъ фактовъ, когда австрійскій абсолютизмъ торжествовалъ надъ своими внутренними врагами только силою низшихъ сословій, безчисленное множество въ его исторіи³⁾.

Замѣчанія Чернышевскаго, приводимыя здѣсь Ю. М. Стекловымъ, въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ признавать блестящими. Но вопреки мнѣнію того же

Ю. М. Стеклова, они вовсе не доказываютъ, что Чернышевскій былъ очень близокъ къ историческому материализму. Точно такія же блестящія замѣчанія мы можемъ встрѣтить и у французскихъ историковъ временъ реставраціи: Гизо, Минье, Огюстена Тьерри. И не только у историковъ. Г-жа Сталь въ своемъ посмертномъ сочиненіи: „Considerations sur la révolution française“, вышедшемъ въ 1818 году, говоритъ о французской революціи, какъ объ одной изъ великихъ эпохъ въ развитіи „соціального строя“ и дѣлитъ исторію Европы, послѣ паденія Западной Римской Имперіи, на различные періоды сообразно тому, какой видъ принимаетъ въ каждомъ изъ нихъ борьба классовъ. Ю. М. Стеклова особенно, какъ видно, поразила та мысль Чернышевскаго, что во Франціи вся сила королей была приобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Если онъ потрудится прочесть названное мною сочиненіе г-жи Сталь, то онъ, вѣроятно, еще болѣе поразится, встрѣтивъ ту же мысль въ этомъ сочиненіи. По мнѣнію г-жи Сталь, третій періодъ европейской исторіи (послѣ паденія Рима) характеризуется усиленіемъ королевской власти, очень умѣло воспользовавшейся борьбою классовъ въ европейскомъ обществѣ. „Постоянная войска уменьшила для королей необходимость въ поддержкѣ ихъ дворянствомъ, а нужда во взаиманіи налоговъ заставила монарховъ, наоборотъ, обратиться къ третьему сословию. Чтобы получить возможность непосредственно облагать это сословіе налогами, нужно было болѣе или менѣе высвободить его изъ-подъ вліянія феодальныхъ сеньоровъ“¹⁾. Если монархія извлекала пользу изъ борьбы третьяго сословія съ феодалами, то и это сословіе, въ свою очередь, получало не малую выгоду отъ союза своего съ монархией. Обогащаемое своей торгово-промышленной дѣятельностью, оно постепенно стало самымъ вліятельнымъ классомъ въ европейскомъ обществѣ. „Второй классъ общества (т.-е. то же третье сословіе, иначе городская буржуазія, „les bourgeois des villes“) овладѣлъ (s'empara) науками, литературой, изученіемъ законовъ и торговлей; его вліяніе возрастало каждый день“²⁾. Этотъ непрерывный ростъ третьяго сословія привелъ и не могъ не привести къ кризису, т.-е. къ революціи.

Англійская революція тоже явилась, по словамъ г-жи Сталь, результатомъ борьбы, которую вело третье сословіе („ou pour mieux dire la nation“) съ феодальной аристократіей³⁾. Вообще англійская революція была вызвана тѣми же причинами, что и французская.

Скажетъ ли Ю. М. Стекловъ, что г-жа Сталь была очень близка къ материалистическому пониманію исторіи?

А Сэнъ-Симонъ, котораго Ю. М. Стекловъ безъ малѣйшаго колебанія относитъ къ числу социалистовъ-утопистовъ и который во своемъ „Catechisme politique des industriels“ пространно доказывалъ, что королевская власть во Франціи окрѣпла благодаря тому, что поддерживала народъ въ его борьбѣ съ феодалами? Неужели и Сэнъ-Симонъ очень близко подошелъ къ материалистическому пониманію исторіи?

Наконецъ, укажу на „Histoire des dix ans“ Луи Блана. Принадлежалъ ли онъ къ числу социалистовъ-утопистовъ? Ю. М. Стекловъ рѣшительно отвѣчаетъ, что—да. А, между тѣмъ, Луи Бланъ во введеніи къ своей, только что названной, „Исторіи десяти лѣтъ“ повторяетъ тотъ самый взглядъ на роль борьбы классовъ въ социальной и политической исторіи

¹⁾ Тамъ же, стр. 142.

²⁾ „De la démocratie en Amérique“. Томъ I стр. 74. Изд. 1836 г.

³⁾ Тамъ же стр. 148—149.

¹⁾ Названное сочиненіе. Изд. 1818 г. Т. I, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 12.

Франции, который мы встречаем у г-жи Сталь, Сэн-Симона, Консидерана, а также у историков времени реставрации. Что Чернышевский хорошо знал Луи Блана,—так же, впрочем, как и всех других, перечисленных мною авторов,—это, конечно, знает и отмѣчает въ книгѣ самъ Ю. М. Стекловъ. Описывая тѣ цензурныя препятствія, съ которыми приходилось бороться Чернышевскому, онъ говоритъ: „и даже въ статьяхъ о юльской монархіи Чернышевский не рѣшился сразу указать свой источникъ, только въ примѣчаніи (на третьемъ печатномъ листѣ) онъ осторожно намекаетъ на „Исторію десяти лѣтъ“, но имени автора, Луи Блана, такъ и не приводитъ¹⁾. Прибавлю еще вотъ что: упоминаемая здѣсь Стекловымъ статья объ юльской монархіи составляетъ непосредственное продолженіе статьи: „Борьба партій во Франціи“, въ которой Ю. М. Стекловъ нашель поразившую его мысль о борьбѣ классовъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ историческихъ условій роста монархіи во Франціи и въ другихъ странахъ.

Въ виду всего этого можно сказать, что сдѣлалъ бы большую несправедливость тотъ читатель, который упрекнулъ бы Ю. М. Стеклова въ излишнемъ „историзмѣ“. Нѣтъ, „историзмомъ“ нашъ авторъ не грѣшитъ!

Но я еще не кончилъ. Чтобы, со своей стороны, не погрѣшить противъ „историзма“, я оставлю иностранныхъ авторовъ и обращусь къ русскимъ.

Въ первой книгѣ „Москвитянина“ за 1845 годъ М. П. Погодинъ напечаталъ свою статью: „Параллель Русской Исторіи съ Исторіей Западныхъ Европейскихъ государствъ относительно начала“. Въ этой статьѣ онъ доказывалъ, что западныя государства произошли влѣдствіе завоеванія, которое наложило свою печать на всю ихъ послѣдующую исторію. Исторія эта характеризуется взаимной борьбой классовъ. Сначала средній классъ боролся съ аристократіей, а теперь низшіе классы борются со среднимъ: „Въ наше время низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на Западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сэн-симонисты, социалисты, коммунисты соответствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи“.

Я нахожу, что это довольно выразительно. А строки, которыя я сейчасъ приведу, еще выразительнѣе.

Погодинъ имѣетъ свою „формулу прогресса“, какъ выражались по томъ Лавровъ и Михайловскій. Она гласитъ такъ:

„Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобожденіе городовъ—это первая трагедія европейской трилогіи. Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція—это вторая. Уложенія (т.-е. европейскія конституціи, какъ результатъ борьбы классовъ. I. II.), борьба низшихъ классовъ...—будущее въ рукахъ Божіей“.

Оставляя въ сторонѣ будущее, нельзя не замѣтить, что Погодинъ высказываетъ здѣсь тотъ самый взглядъ на борьбу классовъ, который впоследствии вошелъ, какъ одна изъ составныхъ частей,—но только какъ одна изъ такихъ частей,—въ материалистическое объясненіе исторіи. И замѣтите, что названная статья Погодина появилась въ 1845 году, т.-е. въ томъ самомъ году, когда Марксъ писалъ свои тезисы о Фейербахѣ.

Слѣдуя методу Ю. М. Стеклова, можно на этомъ основаніи совершить

¹⁾ „Н. Г. Чернышевскій“, стр. 23—24.

цѣлый переворотъ въ исторіи социализма... Я не имѣю ни малѣйшей охоты совершать подобный переворотъ. Я тѣмъ меньше расположенъ къ этому, что по поводу исторической „Параллели“ Погодина Герценъ, въ томъ же 1845 году, сдѣлалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ слѣдующее поразительно вѣрное замѣчаніе: «Параллель Русской Исторіи съ Исторіей Западныхъ государствъ» написана ясно, рѣзко и довольно вѣрно, даже въ ней было бы много новаго, если бы она была напечатана лѣтъ двадцать пять назадъ¹⁾.

Вычитайте двадцать пять изъ сорока пяти—получится двадцать. Стало быть замѣчаніе Герцена переноситъ насъ въ двадцатые годы, въ ту эпоху, тогда начинали распространяться идеи г-жи Сталь, Гизо, Минье, Огюстена, Тьера и т. д. Герценъ совершенно правъ! Въ лѣто отъ Р. Хр. 1845, онъ взгляды Погодина на борьбу классовъ былъ уже далеко не новъ. Но почему же Ю. М. Стекловъ нашель его новымъ, встрѣтивъ его въ статьѣ Чернышевскаго, написанной въ концѣ пятидесятихъ годовъ?

Ю. М. Стекловъ сдѣлалъ большой промахъ. Но если мы захотимъ вдуматься въ вопросъ о томъ, почему онъ промахнулся, то увидимъ, что тутъ,—по выраженію Чернышевскаго,—„не вина его, а бѣда его“.

Тутъ виноватъ „субъективизмъ“, свирѣпствовавшій у насъ въ продолженіе цѣлой четверти вѣка (годы семидесятые, восьмидесятые и половина девяностыхъ). Субъективизмъ довель идеалистическій взглядъ на исторію до нелѣпостей, до каррикатуры, и, благодаря ему, „блѣдная русская мысль“ весьма основательно позабыла то, что она знала уже въ сороковыхъ годахъ. Въ числѣ многихъ позабытыхъ мыслей оказалась и мысль объ историческомъ значеніи борьбы классовъ. Такъ объясняется промахъ Стеклова, если взглянуть на него съ точки зрѣнія „историзма“.

Въ подготавливаемой теперь мною къ печати статьѣ: „Погодинъ и борьба классовъ“ я покажу, какъ относится точка зрѣнія Погодина къ точкѣ зрѣнія научнаго социализма. Читатель увидитъ тамъ, что знакомый намъ теперь взглядъ на историческое значеніе борьбы классовъ несколько не мѣшалъ ему оставаться идеалистомъ. И я надѣюсь, что Ю. М. Стекловъ оспаривать меня не станетъ.

На Западѣ, подъ влияніемъ реакціи, вызванной событіями 1840—49 г.г., появился свой историческій „субъективизмъ“, больше всего боявшійся именно мысли о борьбѣ классовъ. Поэтому западно-европейскіе историки второй половины XIX вѣка совсѣмъ позабыли великое открытіе, сдѣланное историками первой половины того же XIX вѣка и заключавшееся въ томъ, что,—по энергичному выраженію Гизо,—вся исторія Европы была „сдѣлана войною классовъ“²⁾. И это обстоятельство не осталось безъ сильнаго вліянія даже на представленія социалистовъ. До сихъ поръ на Западѣ нерѣдко можно встрѣтить сторонника научнаго социализма, наивно думающаго, что Марксъ былъ первымъ писателемъ, поднашимъ великое историческое значеніе борьбы классовъ. Въ статьѣ „Augustin Thierry et la conception materialiste de l'histoire“, напечатанной въ парижскомъ

¹⁾ Не имѣя подъ руками „Москвитянина“ и „Отечественныхъ Записокъ“, я цитирую Погодина и Герцена по Барсукову: „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Книга восьмая. С.-Петербургъ 1894 г., стр. 114—115.

²⁾ Употребляя это выраженіе, Гизо говорилъ собственно о Франціи, но въ другихъ мѣстахъ онъ очень ясно давалъ понять, что этотъ взглядъ примѣняется у него ко всей исторіи западной Европы послѣ паденія Рима.

журналѣ „Ere nouvelle“ за 1895 годъ ¹⁾ я, на примѣрѣ французскихъ историковъ реставраціи, показалъ, что это большая ошибка. По-русски я сдѣлалъ то же отчасти въ своей книгѣ: „Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію“ (глава II: „Французскіе историки времени реставраціи“) и въ особенности въ предисловіи ко второму изданію моего перевода „Манифеста Коммунистической Партіи“. Ю. М. Стеклову извѣстны эти работы,—по крайней мѣрѣ тѣ, которыя писаны по-русски. Если бы онъ не былъ увлеченъ предвзятой мыслью насчетъ воображаемой имъ несправильности моего сужденія о мѣстѣ, занимаемомъ Чернышевскимъ въ исторіи развитія социалистической теоріи, то онъ принялъ бы во вниманіе эти работы и не сдѣлалъ бы только что отиѣченнаго мною огромнаго промаха.

Очень возможно, что мои ссылки на г-жу Сталь, Гизо, Погодина, Герцена и пр. привели въ недоумѣніе нѣкоторыхъ читателей, не окончательно разорвавшихъ съ идеалистическими традиціями. Такіе читатели спросятъ меня: въ чемъ же заключается отличительная черта научнаго социализма, если не во взглядѣ на огромное значеніе борьбы классовъ и, вообще, „экономики“? На этотъ вопросъ я позволю себѣ отвѣтить ссылкой на одну изъ своихъ прежнихъ статей.

„Дѣло въ томъ, что какъ Сэнъ-Симонъ, Консидеранъ и другіе социалисты-утописты, такъ и историки, видѣвшіе въ отношеніяхъ собственности важнѣйшую основу общественнаго зданія, а въ развитіи этихъ отношеній—главную причину общественнаго движенія, были все-таки идеалистами. Они понимали общественное значеніе экономики, но они не видѣли той коренной причины, отъ дѣйствія которой зависитъ экономическій строй всякаго даннаго общества“ ²⁾.

Какою же коренной причиной опредѣляется этотъ строй? *Развитіемъ производительныхъ силъ.* На это и указалъ Марксъ. Въ этомъ и заключается его величайшая заслуга, какъ основателя историческаго материализма и научнаго социализма ³⁾. Тѣ социалистическіе писатели, которые не понимали рѣшающей важности этой причины, оставались,—какъ бы ни были проникнуты материализмомъ встрѣчающіеся у нихъ отдѣльные историческіе или социологическіе взгляды,—идеалистами въ исторіи. Но оставаясь идеалистами въ исторіи, они, естественно, были утопистами въ социализмъ: вѣдь, нетрудно понять, что одно вытекало изъ другого.

А Чернышевскій? Какъ смотрѣлъ онъ на вопросъ объ историческомъ значеніи развитія производительныхъ силъ?

Ю. М. Стекловъ отвѣчаетъ: „Единственный серьезный пробѣлъ въ историко-философскихъ воззрѣніяхъ Чернышевскаго заключается въ томъ, что онъ не указалъ опредѣленно на рѣшающее значеніе развитія производительныхъ силъ, какъ основнаго фактора историческаго процесса“ ⁴⁾. Легко сказать: „единственный пробѣлъ“. Но дѣло въ томъ, что этимъ

¹⁾ Не помню сейчасъ, въ какой именно книжкѣ и не могу справиться, не имѣя подъ руками этого, давно уже прекратившагося, журнала. Но правдѣ сказать, я даже не вполнѣ увѣренъ, что названная статья появилась въ 1895, а не въ 1896 году. Но, вѣдь, это и неважно.

²⁾ См. мою статью: „Вѣдлинскій и разумная дѣйствительность“ въ сборникѣ: „За двадцать лѣтъ“.

³⁾ Подробнѣе см. мою книгу: „Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію“.

⁴⁾ „Н. Г. Чернышевскій“, стр. 176.

единственнымъ пробѣломъ весь спорный вопросъ рѣшается окончательно и безповоротно.

Ю. М. Стекловъ самъ чувствуетъ это. И вотъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, онъ пытается уменьшить вѣсъ этого своего призванія. Онъ показываетъ, что Чернышевскій не боялся промышленнаго развитія (какъ боялись его послѣдствія наши народники). И это такъ. Но это дѣло даже не другое, а „десятое“, какъ выражался Базаровъ. Промышленнаго развитія не боялся ни одинъ либеральный экономистъ. Но значить ли это, что все либеральные экономисты смотрѣли на развитіе производительныхъ силъ глазами Маркса? Значить ли это, что они были историческими материалистами?

Если Чернышевскій не боялся промышленнаго развитія, то это еще не значить, что онъ близко подошелъ къ историческому материализму. Это значить только то, что очень ошибаются не М. Стекловъ и г. Ивановъ-Разумникъ, считающіе Чернышевскаго родоначальникомъ нашего народничества.

Еще одно слово. Знаетъ ли Ю. М. Стекловъ, какимъ образомъ анархистъ В. Черкезовъ „доказалъ“, что Марксъ и Энгельсъ были не болѣе, какъ плагиаторы? Онъ взялъ нерѣдко встрѣчающіяся у социалистовъ-утопистовъ материалистическія мысли о важномъ значеніи экономики и борьбы классовъ, сопоставилъ эти мысли съ указаніями тѣхъ же писателей на эксплуатацію пролетаріата буржуазіей, на ростъ общественнаго неравенства и т. п. и рѣшилъ, что Марксъ и Энгельсъ были воронами въ павлиньихъ перьяхъ, что они все накрали у другихъ. И нашелся даже одинъ (петербургскій) профессоръ политической экономіи, которому „трудъ“ В. Черкезова показался заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

Но профессоръ далъ ошибку: на самомъ дѣлѣ „трудъ“ В. Черкезова ровнехонько никуда не годится. Мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходитъ сравнивать этого анархиста съ Ю. М. Стекловымъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу не видѣть, что Ю. М. Стекловъ не вполнѣ уберется отъ того методологическаго недостатка, который привелъ В. Черкезова къ его смѣшному абсурду: онъ тоже не выяснилъ себѣ, что собственно сдѣлалъ Марксъ и что сдѣлано его предшественниками. Отсюда главный недостатокъ его книги.

Нѣкоторые христіанскіе писатели, высоко чтя Аристотеля, пытались доказать, что онъ былъ христіаниномъ. Они не могли помириться съ той мыслью, что хорошій человѣкъ и глубочайшій мыслитель могъ оставаться язычникомъ. Ю. М. Стекловъ немножко напоминаетъ мнѣ этихъ добрыхъ почитателей Аристотеля. Онъ никакъ не можетъ помириться съ той мыслью, что Н. Г. Чернышевскій, обладавшій глубокимъ умомъ и отличавшійся благороднымъ характеромъ, оставался на точкѣ зрѣнія утопическаго социализма. Однако, исторія показываетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: между представителями утопическаго социализма было не мало гениальныхъ умовъ и свѣтлыхъ личностей. Если бы Ю. М. Стекловъ вспомнилъ объ этомъ, приступая къ своему сочиненію о Чернышевскомъ, то онъ навѣрно меньше погрѣшилъ бы противъ „историзма“.

Усваивая идеи Фейербаха, мысль Чернышевскаго шла по тому пути, идя по которому, нельзя было не придти, при новыхъ историческихъ условіяхъ, къ точкѣ зрѣнія научнаго социализма. Этого достаточно, чтобы обезвечить ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русской общественной мысли.